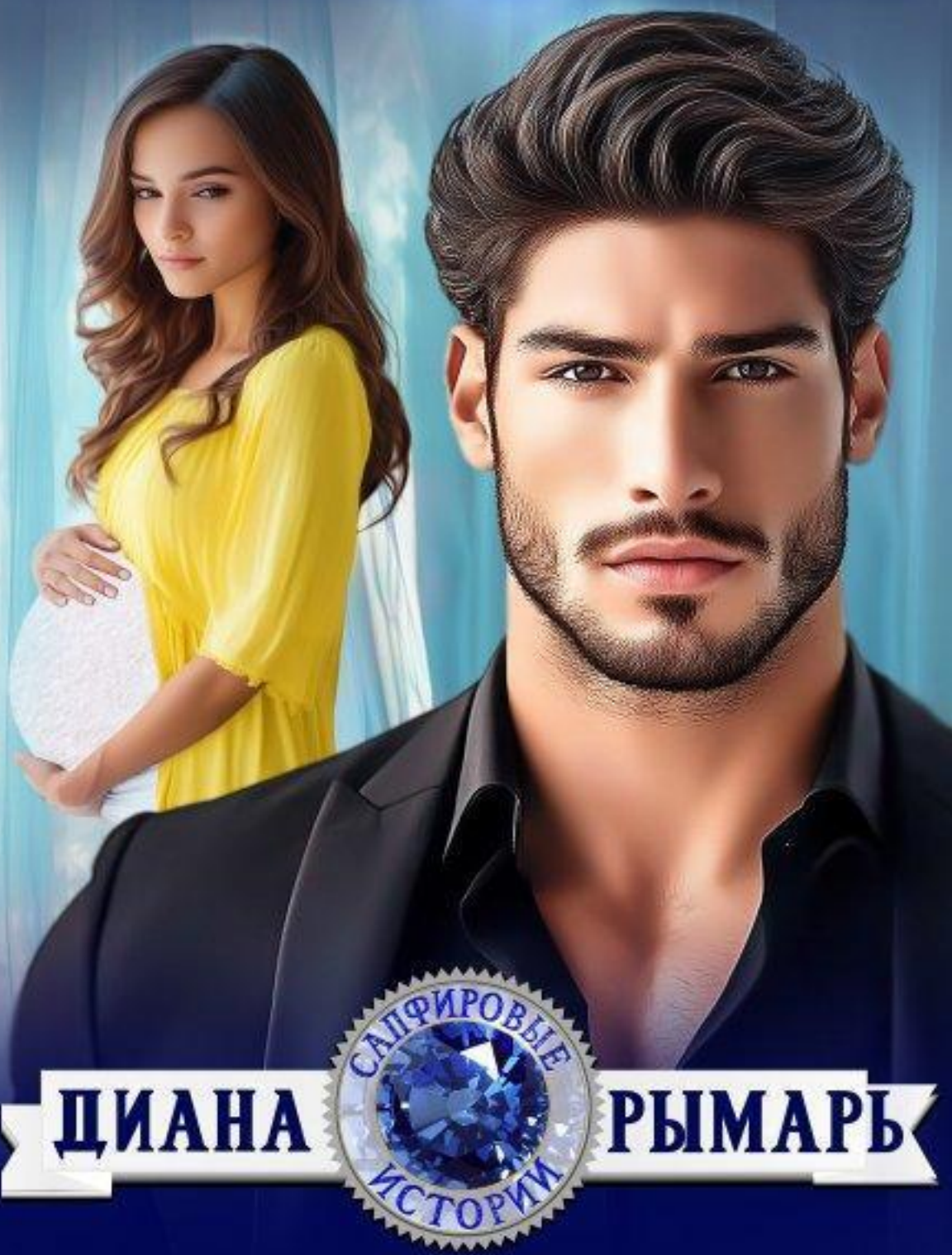

ЛИШНЯЯ В ЕГО СЕМЬЕ

Диана Рымарь

Лишняя в его семье

«Литнет»

2025

Рымарь Д.

Лишняя в его семье / Д. Рымарь — «Литнет», 2025

— Милая моя, тебе придется избавиться от этого ребенка, — говорит мне свекровь после того, как я рассказываю о беременности. Причина у нее железобетонная — в их хрущевской трешке ребенок никак не поместится. К моему ужасу, муж ее поддержал. Меня поставили перед выбором — либо я принимаю их условия, либо иду на все четыре стороны. А поскольку идти мне некуда, смотрите пункт первый. Я собрала чемодан и пошла... Вот только идти и вправду некуда, на карточке после оплаты кредитов денег пшик. Вот я и пришла на работу, в надежде там переночевать и решить, что делать дальше. Думала, в офисе только сторож, а там босс засиделся допоздна с бумагами. Увидел зареванную меня и предложил поехать к нему переночевать. Вытащил из меня всю жуткую историю про мой брак и ребенка. Предложил решить мои проблемы с кредитами, жильем и прочим, но тоже поставил условие. Заявил: — Ты выйдешь за меня замуж. ♥#♥#♥# Однотомник. ХЭ

© Рымарь Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. (Не) желанное счастье	5
Глава 2. Муж	8
Визуал	11
Глава 3. Сама виновата	12
Глава 4. Тоня не дури!	15
Глава 5. Босс	18
Глава 6. В его квартире	22
Глава 7. Спокойный как танк	25
Глава 8. Никак не ожидала	28
Глава 9. Встреча с мужем	34
Глава 10. Ресторан «Ампир»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. (Не) желанное счастье

Часть 1. (Не) семья

Глава 1. (Не) желанное счастье

Тоня

— Милая моя, тебе придется избавиться от этого ребенка, — говорит мне свекровь.

При этом совершенно невозмутимо поправляет на лице очки. Приглаживает короткие светлые волосы, одаривает меня приторно сладкой улыбкой, от которой стынет кровь.

Я замираю с не донесенной до рта чашкой, моргаю.

Вот так попила чаю со свекровью, обрадовала долгожданной беременностью... Мы ведь с мужем уже год вместе живем, и вот первый долгожданный ребенок.

Может, я попросту ослышалась?

— Что вы сказали, Елена Анатольевна?

Она приосанивается, складывает руки на стол, барабанит по нему ноготками с французским маникюром и повторяет:

— Тебе нужно избавиться от ребенка. Ты же не думаешь, что станешь растить его здесь, в нашей крохотной квартире? Здесь для малыша попросту нет места...

Я хлопаю ресницами, оглядываю новенькую кухню с белым гарнитуром, за который, кстати, все еще выплачиваю кредит.

Да и слово «крохотная» вряд ли подходит для описания трехкомнатной квартиры, пусть и в хрущевском доме. Не хоромы, но две спальни и гостиная имеются.

И неужели же, предлагая нам с мужем после свадьбы жить здесь, свекровь не рассчитывала, что мы заведем детей? Мы оба работаем, приносим в дом деньги, пусть не миллионы, но вполне себе среднестатистическую зарплату. И тут вдруг такое...

— Елена Анатольевна. — Я с шумом ставлю кружку на стол. — Вы что такое говорите вообще?

— А что я такого сказала? — изумляется она. — Я просто реально смотрю на вещи. Ребенок в нашем положении неприемлем...

— Это в каком таком положении? — я подаюсь вперед. — Неужели ж вы не думали, что мы с Димой рано или поздно кого-то родим? Мы взрослые люди, мы женаты, мы...

— И что? Это повод наводнить мою квартиру целым выводком?

Ах вот оно что, ее квартиру...

Собственно, когда мы с Димой поженились и встал вопрос с жильем, я была против переезда сюда. Хотелось свой уютный уголок с любимым мужчиной, где бы были только мы вдвоем. Чтобы обставить все по своему вкусу. Хотелось комфортную кухоньку, где я бы готовила нам ужины, милую спальню и прочие приятности, о которых мечтает каждая девушка, когда выходит замуж.

Но съем жилья — удовольствие дорогое. Даже с двумя зарплатами это съедало бы приличную часть бюджета. Поэтому мы решили привести квартиру его матери в порядок и поселиться тут. Рассчитывали приобрести новую мебель и прочее, жить в комфорте. Часть уже приобрели, между прочим, и отремонтировали кухню и ванную.

К тому же, когда я сюда переехала, свекровь была со мной мила и приветлива, обещала полную свободу действий — готовь что хочешь, смотрите фильмы допоздна и так далее. На деле оно, конечно, оказалось не так, но жизнь с ней была вполне сносной до этого момента.

Однако, соглашаясь на переезд к маме своего мужа, я и близко не думала, что это означает табу на детей.

— Он с вами разве это не обговаривал? Я имею в виду детей. Хоть когда-то... — выдаю я с возмущением.

Мы вот, например, с Димой это обговаривали много раз. В конце концов, мы старательно делали этого ребенка последние полгода. Он каждый месяц интересовался, не забеременела ли я, подбадривал меня. Мы с ним темными ночами мечтали, какие у нас получатся замечательные детки — он блондин, я брюнетка. Ребеночек бы получился сказочный, голубоглазый ангелочек со светлыми кудрями, как у мужа, либо же с шоколадными завитками и янтарными глазками — как у меня. И я от этого чуда должна избавляться? Да ни за что!

Пока я задыхаюсь от возмущения, свекровь осторожно спрашивает:

— А что Дима тебе говорил?

— Что хочет ребенка, семью, — отвечаю резко.

— Так пожалуйста — заводите, — разводит она руками. — Я же совершенно не против. Но не прямо сейчас, не пока я жива... У меня ведь масса нюансов по здоровью: давление, аритмия, да и щитовидку бы хорошо проверить. За мной уход нужен, внимание, а как это возможно, когда вокруг сплошные дети?

И снова я хлопаю ресницами.

Да, свекровь у меня гипертоник, как и половина людей ее возраста. Но что в этом такого уж страшного? Ведь это контролируется медикаментами. Да и к тому же разговор пока шел только про одного конкретного ребенка. Но даже не в этом дело.

— То есть вы вообще не хотите, чтобы у вашего сына были дети?! — Мой голос срывается на визг.

— С моим-то здоровьем надо подумать о себе, знаешь ли. Здоровый эгоизм тоже должен присутствовать, особенно в моем возрасте. Но я не говорю, чтобы вы прям никогда-никогда никого не рожали. Может быть, когда меня не станет, с моим-то здоровьем...

Тут она делает грустное лицо и тяжело вздыхает.

Не пойму, я сейчас должна проникнуться, что ли?

— Елена Анатольевна, вам пятьдесят три года. Вы, может, еще лет тридцать проживете, так во сколько нам детей рожать? В пятьдесят с копейками?

— Зачем же такой грубый тон...

Мое лицо вытягивается.

То есть это я сейчас грублю?

Что-то, а я уж совершенно точно не собираюсь ждать смерти свекрови, для того чтобы завести детей. Тем более когда один уже живет у меня в животе и я хочу дать ему жизнь.

Мальчик, девочка — неважно. Он уже есть, он живой, ему уже шесть недель.

В идеале я вообще хотела трех детей... ну по крайней мере двух. И Дима был со мной согласен!

— Верно ли я поняла? Вы сейчас всерьез предлагаете мне сходить на аборт, потому что ВЫ не хотите в своем доме ребенка, так, что ли? — спрашиваю я с надрывом.

Свекровь поджимает губы и вздергивает подбородок:

— Только не надо сцен, Тоня. Мы же все взрослые люди, все понимаем. И не нужно делать из меня монстра. Я вам с Димочкой только добра желаю, ты ж пойми...

Не знаю, как умудряюсь сдержаться в этот момент.

Мне настолько претят ее слова, настолько больно и неприятно, что аж начинается тошнить.

Хочется орать матом. Схватить чашку с чаем и запулить в стену, а потом проделать то же самое со стопкой тарелок, что стоит у раковины.

Но я не делаю ничего из этого.

Собираю все самообладание в кулак и отвечаю:

— Я сейчас поеду к Диме в офис и все ему расскажу. Пусть он с вами разговаривает, я больше с вами разговаривать не буду!

Вообще, изначально надо было сначала мужу сообщать о беременности, а потом уж его маме. Но не утерпела, меня аж распирало от радости после визита к врачу.

Встаю, с шумом отодвинув стул, и направляюсь к выходу.

— Совершенно не обязательно так психовать, — несется мне в спину.

Э нет, дорогая Елена Анатольевна, ты еще моих психов не видела.

Глава 2. Муж

Тоня

Пока добираюсь до родного офиса, успеваю основательно себя накрутить.

Еду в маршрутке по всем пробкам, а в голове жужжат назойливыми мухами одни и те же мысли.

Как свекровь вообще могла такое сказать? Своему сыну не желает счастья? Не хочет поддержать на руках его продолжение, своего внука или внучку?

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Женщина рядом косится на меня с подозрением, наверное думает, что я психованная какая-то.

Впрочем, с такой родственницей немудрено поехать кукушкой.

Неужели она правда не любит Диму? Или это какое-то патологическое себялюбие — боится, что ребенок будет шуметь, мешать ее покою?

О здоровье ей беспокоиться надо...

Да с ее-то здоровьем она нас всех переживет!

На фитнес ходить у нее здоровье есть — три раза в неделю степ-аэробика. С подружками по театрам таскаться здоровья хватает — только в прошлые выходные ездила на «Лебединое озеро». А вот на уборку, понятное дело, здоровья не хватает. Хорошо еще, что я вполне нормально справляюсь с этим сама, а то бы все обросло грязью.

Мысленно я начинаю спорить со свекровью, высказываю ей все, что думаю:

— Елена Анатольевна, а вы в курсе, что дети — это радость? Что внуки — это продолжение рода?

— Милая моя, — отвечает воображаемая свекровь своим елейным голоском, — в моем возрасте нужно думать о себе.

— Так думайте! Только не мешайте нам жить! И не указывайте, когда и кого нам рожать!

— Тоня, дорогая, не нужно так эмоционально...

— А как надо?! Спокойно воспринимать, что вы хотите убить моего ребенка?!

От собственных мыслей меня аж трясет.

Выскакиваю на нужной остановке и почти бегом несусь к офису, на ходу вытирая выступившие на глазах слезы.

У дверей фирмы «Сочная орхидея» я притормаживаю.

Пялюсь на вывеску с изображением счастливой девушки с кучей пакетов женского белья. Фирма-то по оптовой продаже белья и колготок. Звучит глупо — «Сочная орхидея», но работать тут вполне нормально: зарплата стабильная, коллектив дружный, начальство не звереет по пустякам.

Я тружусь тут менеджером по продажам, муж — завсклада.

Собственно, тут на работе мы и познакомились два года назад, когда я пришла в эту фирму. Дима устроился гораздо раньше меня, причем он и старше. Мне двадцать пять, ему тридцать.

Вот скажите мне кто-нибудь, когда двум женатым людям нашего возраста еще заводить детей, как не сейчас? До сорока надо было подождать, что ли? Или до пенсии? Какие же это глупости!

Красная как рак и до предела возмущенная, я прохожу по знакомым коридорам. Пахнет тут всегда одинаково — смесь запахов бумаги, кофе из автомата и любимого освежителя воздуха нашей уборщицы, с ароматом «Морской бриз».

Киваю коллегам и старательно отворачиваю лицо, чтобы никто не пристал с разговорами. Сейчас не до светской болтовни.

— Тонечка, как дела? — окликает меня Людка из бухгалтерии.

— Все хорошо, — бросаю на ходу, даже не оборачиваясь.

— Что-то ты красная какая-то...

Надо же, какая наблюдательность.

— Устала просто!

Добираюсь до кабинета с надписью: «Дмитрий Рудковский, заведующий складом».

Мысленно выдыхаю, стучу и захожу.

Замираю перед его столом, вглядываюсь в лицо мужа.

Дима — самый обыкновенный среднестатистический блондин. Не высокий, не низкий, не толстый, не худой.

Светлые волосы всегда аккуратно уложены гелем. Сегодня на нем черная рубашка с короткими рукавами и темные брюки — рабочая униформа, которую предпочитает большинство мужчин в офисе.

Красивый? О, многие бы так и сказали, я в их числе. Два года назад без оглядки влюбилась в его голубые глаза, до сих пор не отпустило. Но что самое главное в мужчине — он добрый, надежный, спокойный.

Дима, как всегда, загружен под завязку работой, что-то там старательно проверяет в толстой папке с документами, сверяет с записями в компьютере. Поначалу даже меня не замечает, только морщит лоб и что-то бормочет себе под нос.

А когда поднимает взгляд, я робею.

Ведь совсем не так я рисовала себе в мечтах то долгожданное признание. Представляла романтический ужин при свечах, или прогулку по парку, или хотя бы просто уютный вечер дома на диване. А не вот это — я, красная и взъерошенная, врываюсь к нему на работу с кучей проблем.

— Малыш, ты разве не на выходном? — спрашивает он, приподняв левую бровь. — Вроде ж к врачу собиралась.

Да, собиралась и даже сходила, вернулась домой порадовать свекровь, и все пошло совсем не по плану.

— Я беременна, Дим...

На секунду воцаряется полная тишина. Слышно только, как гудит компьютер и где-то за стеной стучит принтер.

А потом лицо Димы словно освещается изнутри. Глаза расширяются, на губах расплывается такая счастливая улыбка, что сердце екает от нежности. Он резко подскакивает с места, едва не опрокинув стул, бросается ко мне, хватая за руки.

— Правда?! Тонь, ты серьезно?!

Киваю, и он тут же усаживает меня на стул поближе к своему столу, сам пристраивается рядом на корточки, берет мои руки в свои теплые ладони.

— Я знал, что залетишь! У меня живчики — во, а ты еще сомневалась! — Он показывает большой палец и смеется. — А почему такое лицо, Тонь, ты не рада? Ты ж хотела ребенка.

Вот тут-то я и выдаю:

— Твоя мама сказала, что не потерпит ребенка в своей квартире! Сказала — на аборт идти. Прикинь!

Улыбка медленно сползает с Диминого лица. Он моргает, словно не понимает, что я сказала. Потом его рот приоткрывается, брови поднимаются чуть ли не к самой линии волос.

— Что... что ты сказала?

— То, что сказала! Она мне прямым текстом заявила, что мне нужно избавиться от ребенка!

— Я... Э-э... — мычит он нечленораздельно, явно пытаюсь переварить информацию.

— Ты что, правда никогда не говорил с мамой о будущих детях? — спрашиваю я, цепляясь за последнюю надежду.

— Что ты, — тут же отмахивается он. — Конечно же, говорил. Что за глупости вообще? А я и рада бы посчитать это глупостью, вот только не выходит при всем желании.

— Я лишь передаю тебе ее слова, Дим. Это ненормально!

Он встает, зарывается пятерней в светлые волосы, взъерошивает их.

— Может, ты что-то не так поняла? — спрашивает с надеждой в голосе. — Мама же не может такого сказать...

— Я все правильно поняла. — Поджимаю губы. — Она еще добавила, что с ее здоровьем ей нужен покой и уход, а не орущие дети.

Дима тяжело вздыхает, трет переносицу.

— Малыш, ты не переживай, мы сейчас поедем домой, и я поговорю с мамой. Я все решу...

Он так уверенно это говорит, что я ему верю.

Конечно, он все уладит. Он же мужчина, он же сын, мать его слушает.

Правда верю!

Тем неожиданнее для меня то, что происходит потом.

Визуал

Дорогие, любимые, я представляю вам визуал героев так, как вижу их я. Надеюсь, понравится!

Антонина, умница и красавица, работающая пчелка. Двадцать пять лет. Она обязательно со всем справится.

Дмитрий, тоже красавец и работающий муж, а с характером определимся позже. Тридцать лет.

Елена Анатольевна, яркая личность, в прошлом актриса театра, ныне преподаватель актерского мастерства в местном университете. Она обязательно обо всем пожалеет. Пятьдесят три года.

Как вам визуал?

Надеюсь, визуал вам понравился, а теперь возвращаемся к нашим героям.

Глава 3. Сама виновата

Тоня

Я еще некоторое время жду, пока Дима освободится, сижу тихонько в его кабинете на жестком стуле для посетителей. Наблюдаю, как он методично перелистывает накладные, что-то подсчитывает на калькуляторе.

Клацают клавиши, шуршат бумаги.

В животе что-то тянет. Не болит пока, просто... странное ощущение. Будто там действительно кто-то поселился. Мой малыш. Наш с Димой.

Наконец он отставляет бумаги, берет трубку стационарного телефона, дает какие-то распоряжения менеджеру. Голос деловитый, четкий — Дима на работе всегда преображается, становится собранным и уверенным.

Он поворачивается ко мне, и на лице снова расцветает та самая счастливая улыбка:

— Поехали? Чудо мое расстроенное...

Ему смешно, что ли? Или это он в таком приподнятом настроении из-за будущего ребенка? От радости предстоящего отцовства даже проблемы кажутся мелкими? Предпочитаю выбрать последний вариант — так спокойнее.

Выходим на улицу.

Усаживаемся в его машину — новенький седан китайского производства серого цвета, который мы купили три месяца назад. Дима тогда так гордился этой покупкой, целую неделю протирал кузов каждый день.

Муж везет меня домой, попутно пытается шутить, чтобы как-то разрядить обстановку. Рассказывает какую-то байку про склад, про то, как новый грузчик перепутал коробки. Но я не реагирую. У меня сил реагировать нет — все мысли крутятся вокруг предстоящего разговора.

Когда подъезжаем к нашему дому, Дима паркуется и поворачивается ко мне. Берет мою руку в свои теплые ладони, сжимает.

— Ты не переживай. Я сейчас выдам маме ультиматум, все будет хорошо...

Отчего-то мне делается смешно. Нервный такой смешок, почти истерический.

— Твоя мама — и ультиматум? Мы точно говорим про одну и ту же женщину?

— А что? — Он вскидывает светлую бровь. — Она сама виновата, раз так себя повела. Ты посиди на лавочке, подожди, я с матерью наедине поговорю, ладно?

Киваю, что еще остается. Я уж точно не хочу быть свидетелем их разговора. И потом, может действительно лучше, если они поговорят без меня?

Дима найдет нужные слова.

На улице ласковый сентябрьский день, погода отличная. Солнце греет, но не припекает, легкий ветерок шевелит пожелтевшие листья деревьев.

Усаживаюсь на скамейку возле дома. Провожая Диму взглядом, когда он, поправив рубашку, решительным шагом проходит в подъезд.

Вокруг все так мирно и спокойно. Где-то наверху кто-то готовит — пахнет жареным луком и мясом. Дети играют в песочнице, их голоса звенят и переливаются.

У всех все прекрасно.

А мне все не прекрасно. В душе отчего-то нарастает волнение, причем очень сильное. Будто предчувствую что-то плохое, но не могу понять что.

Секунды тянутся вечность. Смотрю на часы в телефоне — прошло всего пять минут. Сидеть становится неудобно, скамейка кажется жесткой. Встаю, прохожу несколько шагов вдоль дома, снова усаживаюсь.

Нервничаю все сильнее.

Что там происходит? Неужели так сложно объяснить собственной матери, что внуки — это радость? Что мы взрослые люди и сами решаем, когда заводить детей?

Солнце клонится к закату, становится прохладнее. Натягиваю куртку плотнее.

Кажется, проходит полдня, прежде чем мне приходит сообщение от мужа: «Поднимайся».

Отчего-то именно это сообщение обрушивает что-то внутри меня. Как будто стена, которая отделяла меня от настоящих переживаний, вдруг падает, и я тихо захлебываюсь паникой.

— Соберись, тряпка, — приказываю я себе и поднимаю попу с лавочки.

Ноги ватные, сердце колотится где-то в горле.

Поднимаюсь в подъезд, прохожу на четвертый этаж.

Дима открывает почти сразу — значит, ждал в прихожей. Лица не видно толком в полумраке коридора, но по тому, как он берет меня за руку, понимаю — что-то не так. Пальцы у него холодные, и он избегает смотреть мне в глаза.

Отводит на кухню, где я не так давно сидела, пила чай со свекровью, радуясь своей беременности. Тот же стол, те же стулья, тот же вид из окна. Только настроение совсем другое.

— Садись, — тихо говорит Дима, указывая на стул.

Сажусь, складываю руки на пока еще плоском животе.

— Тонь, в общем, я поговорил с мамой... — начинает он, нервно теребя пальцами край рубашки.

— И? — подталкиваю я, хотя по его виду уже понятно, что хорошего не будет.

— В общем... Эм... — Он мнется, смотрит в окно, на стол, куда угодно, только не на меня. — Ты должна признать, что в ее словах есть доля истины.

— В смысле?! — У меня перехватывает дыхание.

— Ты только не психуй! — Он поднимает руки примирительно. — Подумай рационально, мы по факту сейчас работаем на кредиты. Ты выплачиваешь за кухню, потом кредит за душевую кабинку. А я — за машину... Нам на житье-бытье остается не так много. А мать помогать не сможет, ей и самой преподавательской зарплаты не хватает, я каждый месяц ей подкидываю.

Последнее признание он выдает нехотя.

Смотрю на него и не узнаю. Где мой муж, который еще недавно светился от счастья? Который показывал большой палец и говорил про своих живчиков?

— Милый мой, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие, — а о чем ты думал, когда делал мне этого ребенка? Вот о чем, скажи мне, пожалуйста?

— Ну... — Он краснеет, елозит на стуле. — Я думал, мама по-другому среагирует, как-то войдет в положение. Но она разумно подметила, что нам сейчас попросту не по карману ребенок. Вот через годика три-четыре, когда расплоемся с долгами...

— Дим, у тебя нормальная зарплата! — Я чувствую, как голос начинает дрожать от возмущения. — Вполне можно ужаться, не транжирить больше кредитку направо и налево, не прогуливать деньги в барах, не продлевать абонемент в твой дорогуший фитнес-клуб, питаться скромнее, одеваться попроще, прекратить давать деньги маме, наконец. Сколько ты ей даешь в месяц? И почему мне об этом не говорил?

— Ой, вот только не надо этого... — говорит он раздраженно и поджимает губы. — Куда уж ужиматься. Мне что, с друзьями в бар теперь сходить нельзя? Припомнила тоже... Я и так на всем экономлю. Ребенок не по карману пока, сказал же.

— Но он уже есть! — Я вскакиваю со стула, прижимаю ладони к животу. — Он живой! Ты что хочешь, чтобы я правда сходила и...

Не могу даже договорить. Слово «аборт» застревает в горле.

— Ну подумай сама, малыш, — Дима встает, подходит ближе, пытается взять меня за руки, но я отдергиваюсь. — Ты ведь уйдешь в декрет, сколько получать будешь? С гулькина нос?

— Я еще декретные получу, я на удаленке смогу... — лепечу я, понимая, как жалко это звучит.

— Что там тех декретных? — машет он рукой. — Вмиг разойдутся, за кухню кредит погасим — и нет их. На что ты собралась покупать ребенку кроватку и прочее?

— В смысле я? А ты? — Чувствую, как подкатывают слезы. — Ну перестанешь подкидывать маме деньги и... Машину можно другую взять, подешевле или б/у.

— Ты хочешь, чтобы я ездил на корыте? — Лицо у него становится красным. — Я и так с трудом себе это позволил, я...

— Тебе вправду машина дороже нашего ребенка? — шепчу я, и голос срывается.

— Малыш, ты сейчас рассуждаешь нелогично. — Он трет переносицу, как делает всегда, когда раздражен. — Давай, ты успокоишься, и...

— Я не успокоюсь, Дим.

— Слушай, — вдруг он поворачивается ко мне, и в голосе звучит злость, — ты сама виновата! Если бы ты больше помогала маме, она бы, может, так не отреагировала...

Я застываю. Кажется, время останавливается. Сама виновата? Я?

— В смысле — если бы я больше ей помогала? — громко возмущаюсь. — Ты вообще о чем? Возьми и спроси у своей матери, когда она в последний раз мыла полы, посуду, когда последний раз готовила...

— Буквально вчера она приготовила великолепную утку конфи, не помнишь разве? — выпячивает он подбородок.

— Она не готовила ту утку! — я почти кричу. — Она ее заказала в ресторане, наверное на те деньги, что ты ей, оказывается, ежемесячно выдаешь...

— Что ты придираешься к мелочам? — Он машет руками. — Я же в общем... Тоня, послушай меня.

И тут на кухню стремительно входит Елена Анатольевна. В домашнем шелковом халате, с аккуратно уложенными волосами. Даже дома она выглядит как с обложки журнала.

— Нет, Тонечка, — говорит она спокойным, ровным голосом, — дела обстоят не так. Дима тут деликатничает с тобой, а я скажу прямо. — Она делает театральную паузу, смотрит на меня сверху вниз. — Либо ты избавляешься от плода, либо съезжаешь и растишь его где хочешь.

— Дима? — Я ошарашенно смотрю на мужа, в последний раз надеясь, что он скажет хоть слово в мою защиту.

— А что Дима? — Елена Анатольевна сверлит меня холодным взглядом. — Он как раз может остаться.

В ушах звенит. Кажется, пол уходит из-под ног. Мой муж стоит рядом и молчит. Просто молчит, когда его мать говорит мне такие вещи.

— Да пошли вы оба... — шепчу я, а потом говорю громче, почти кричу: — Дорогу сами найдете!

Еле сдерживая злые слезы, бросаюсь через комнату к кладовке за чемоданом. Руки трясутся так сильно, что с трудом достаю его с верхней полки. Тяжелый, пыльный — давно им не пользовались.

За спиной слышу, как Дима растерянно бормочет что-то матери, а та отвечает все тем же спокойным тоном. Будто обсуждают погоду, а не то, что только что разрушили мою жизнь.

Глава 4. Тоня не дури!

Тоня

Я качу чемодан по тротуару в сторону остановки. Кое-как запихала туда все, что смела со своих полок в шкаф. Колесики цокают по асфальту, одно постоянно заедает — приходится дергать и тащить эту тяжелую махину волоком.

Параллельно пищит телефон, как назойливый комар:

«Тоня, прекрати дурить!»

«Тоня, возвращайся, и мы найдем какой-то приемлемый выход!»

«Тоня, ты мне нужна...»

Серьезно, блин?

Между прочим, если бы я ему была так нужна, он бы сейчас не в квартире сидел с мамочкой. Вообще-то, он мог за мной побежать на улицу. Мог бы не дать мне собрать вещи. Мог бы грудью встать перед дверью и сказать что-то из разряда: «Люблю, не пущу!»

Но он же не встал!

А ведь я ждала. Господи, как же я ждала! Когда рывками стаскивала с полок свои кофточки, когда судорожно выдергивала из комода белье, когда с грохотом выворачивала ящики... Все время прислушивалась — не идет ли? Не остановит ли? Может, сейчас ворвется и скажет, что это все бред, что я его жена, что мы справимся?

Нет. Он сидел там на кухне с мамочкой и шептался о чем-то своим противным заговорщицким шепотом. Даже носа не показал, когда я собирала вещи. Только когда входная дверь за мной хлопнула, он, видимо, опомнился и начал строчить эти жалкие сообщения.

Трус. Обыкновенный, банальный трус.

Когда дохожу до остановки, уже всю темнеет, холодает. Ветер усиливается, треплет волосы, забирается под куртку.

Вокруг зажигаются окна в домах — люди ужинают, смотрят телевизор, укладывают детей спать. У них есть дома, им есть куда вернуться.

А я стою на этой проклятой остановке с чемоданом, беременная, и понятия не имею, чего ждать от будущего.

Страшно.

Честно говоря — до чертиков страшно.

Впервые в жизни я совершенно одна, без подстраховки, без плана Б.

Я ныряю в эту неизвестность, как в темную воду, не зная, что там, на дне. И внутри все сжимается от ужаса — а вдруг не выплыву?

Смотрю на телефон, а там финалочка от Димы: «Неужели этот ребенок тебе дороже, чем я?»

Обалдеть манипуляция! Дамы и господа, на первой чаше весов муж, которому машина дороже семьи... Поправочка — дороже жены и ребенка, но не мамочки. А на второй чаше маленький безвинный комочек, о котором я мечтала столько времени.

Что же выбрать? Как же быть? Ну что за бред!

Да, при таком раскладе мне ребенок дороже — он мне уже родной. А муж, как оказалось, нет.

И ладно бы я втихушку проколола Диме презервативы или соврала, что принимаю таблетки, и залетела нечестным путем. Но ребенок-то был зачат в любви! Только вот, похоже, любила только я.

А Дима классно устроился!

Женился, тут же приплюсовал мою зарплату и премии к семейному бюджету вместе со своей мамочкой. И ну облагораживать жилище, на которое, как оказалось, я не имею никаких прав.

Господи, сколько же я надраивала полы в квартире его мамочки! Сколько готовила, старалась, улыбалась этой змее, когда она делала мне очередное колкое замечание про «современную молодежь, которая не умеет варить борщ». Соглашалась брать эти дурацкие кредиты — на кухню для ЕЕ квартиры, на душевую кабинку для ЕЕ ванной.

Самое подлое, что мы покупали такие вещи, которые я с собой взять не могу, ведь душевую кабинку в чемодан не засунешь и не продашь. Облагородили жилище за мой счет, а меня вышвыривают, как использованную вещь.

И я все это позволила с собой сделать.

Дура, что сказать. Наивная, глупая дура, которая очень хотела семью. Удобная, послушная курица-несушка.

Жу-у-у-у...

Когда до меня окончательно доходит весь ужас произошедшего, аж тошнить начинается. В горле встает комок, а в животе все переворачивается. И не знаю уже — от нервов это или от беременности.

С тяжелыми мыслями я забираюсь в троллейбус и еду к подруге. К Машке, с которой соседствовала до того, как вышла за Диму замуж. Могла бы тогда и отдельное жилье снять, но было бы сложно по финансам.

А какая отличная была жизнь с Машкой — спокойная, честная, никто никого не использовал.

Подруга, насколько я знаю, до сих пор не нашла себе соседку, так и живет одна в нашей бывшей двушке. Господи, лишь бы она была дома! Еще трубку не берет.

Троллейбус трясет на ухабах, я прижимаю руки к животу и качаюсь в такт движению. За окном мелькают знакомые дворы, магазины, остановки.

Доезжаю до нужной, выхожу.

Волоку чемодан до знакомой девятиэтажки. Подъезд пахнет, как всегда, сыростью и кошачьим туалетом. Лифт, к счастью, работает — тащить чемодан пешком на седьмой этаж было бы выше моих сил.

Стою перед теперь некогда родной дверью, сердце колотится. Жму на звонок и слушаю, как внутри разносится знакомая мелодия.

А мне никто не открывает...

Жму еще раз. Еще. Прислушиваюсь — может, душ принимает? Или наушники надела? Но в квартире тишина, даже телевизор не работает.

Молча смахнув набежавшие слезы, достаю телефон, чтобы еще раз позвонить Машке. Но тут обнаруживаю ужасную вещь — телефон-то сел! Совсем! Даже экран не загорается, черный, как ночь за окном. Батарейка совсем перестала держать заряд.

Очень хочется зареветь в голос, но когда это помогало делу?

Опираюсь спиной о дверь, сползаю по ней вниз.

Сажу на коврик в подъезде рядом со своим чемоданом и судорожно вспоминаю, сколько у меня денег на карточке.

Тысячи три-четыре от силы. Я ведь вчера, как хорошая девочка, оплатила все кредиты, оставила себе денег только на проезд. С тех пор как вышла замуж, старательно экономлю и даже обед беру на работу с собой: бутерброды, банан, шоколадку.

Бутерброд, банан, шоколадка...

При воспоминании о них желудок предательски урчит. Я же с утра ничего не ела — сплошные нервы и разборки.

И передо мной встают три варианта.

Налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь...

Хватит мыслеблудить!

Возвращаемся в жесткую реальность.

Первый вариант: можно снять на сутки какой-нибудь дешевый номер в гостинице или поискать хостел. Но как это сделать, когда телефон разряжен? Да и потом, если я в первые же сутки спущу все, что есть, как дальше быть?

Второй: можно, как побитая собака, вернуться домой, зарядить телефон, потребовать у Димы денег на первое время. Но ведь может не дать... Да что там — в свете сегодняшнего дня, скорее всего, не даст, из принципа! Встанут надо мной со своей мамашей и будут давить, требовать «решить вопрос». А я этого просто морально не выдержу. Не вывезу это все...

Третий вариант, который рождается в голове только сейчас: пойти на работу.

Наверняка сторож пустит меня в офис. Там можно хотя бы без проблем зарядить телефон. Позвоню еще раз Машке, придумаю, как жить дальше. Там даже диван есть, кстати — очень удобный, кожаный, для посетителей. А завтра попрошу аванс и как-то придумаю, где устроиться. Потом буду решать вопросы с разводом, разделом имущества.

Надо решать проблемы по мере их поступления.

Глава 5. Босс

Тоня

Когда я добираюсь до офиса, на улице уже стемнело настолько, что зажглись фонари.

Чемодан волочится за мной со скрипом и стуком — то заедающее колесико окончательно сломалось, и теперь я тащу его наполовину волоком.

К моему удивлению, входная дверь в нашу фирму не заперта. Обычно в это время тут все уже закрыто на замок, горит только дежурное освещение. Но сегодня в коридоре светло.

Осторожно прохожу, стараясь не греметь чемоданом по паркету. Но все равно звук разносится эхом, и прямо перед поворотом я натываюсь на сторожа.

— Здравствуйте, Валерий Михайлович, — говорю я, стараясь выглядеть как можно более нормально.

Наш сторож — мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми усами и печальными глазами спаниеля. Он всегда чем-то недоволен и сейчас смотрит на меня крайне неодобрительно, а когда замечает мой чемодан, брови взлетают к самой лысине.

— Здравствуйте. Что-то вы припозднились, офисные часы давно закончены, — говорит он, покашливая и разглядывая мой багаж.

— Так дверь-то открыта, — отвечаю я невпопад.

Валерий Михайлович хмурится еще больше и сурово произносит:

— Сейчас закрою. Выйдете и закрою...

От отчаяния мой голос становится жалобным, почти детским:

— Прошу прощения, у меня непредвиденная ситуация, мне нужно в кабинет, и... В общем, можно я останусь тут на ночь? Пожалуйста, не говорите никому, я как мышка...

Он покашливает, переминается с ноги на ногу:

— А вдруг кто камеры посмотрит?

— И что? Я ведь тут работаю...

— Мне по шапке настучат, да и потом — начальство-то на месте, все равно увидит.

При слове «начальство» у меня начинают дрожать руки, а в желудке все сжимается в тугой узел. Вот уж перед кем не хотелось бы освещать свою семейную драму и бедственное положение.

Начальство у нас суровое, хоть и справедливое. Временами.

Имя у начальства соответствующее: Алмаз Акопович Бабаян, владелец и по совместительству директор фирмы. Нет, нет, никто даже за глаза не называет его Бабайкой... Только если изредка, шепотом и только, когда совсем достанет своими придирками, перфекционист фигов. Ведь, по его убеждению, все должно быть либо идеально, либо никак.

— Я тихонько в офис прошмыгну, посижу там, ладно? Может, он не увидит.

С этими словами подхватываю кое-как свой треклятый чемодан и сворачиваю в менеджерский опенспейс. Делаю это с наглой миной, поскольку препираться дальше со сторожем нет никаких сил.

Хоть телефон заряжу, и то уже хорошо будет.

Опенспейс встречает меня полумраком и запахом офисной пыли. Без дневного света и привычного гула голосов он кажется совсем чужим, недружелюбным.

Ряды пустых столов с выключенными мониторами похожи на надгробия. За окнами мигают огни ночного города, но здесь, между серыми перегородками, ощущается какая-то мертвая тишина.

Добираюсь до своего рабочего места — стол у окна, на котором стоит маленький кактус в горшочке и фотография со свадьбы. Сейчас даже на свою улыбающуюся физиономию рядом с Димой смотреть больно.

Включаю светильник на столе. Открываю чемодан, ищу зарядку и...

Вспоминаю, что оставила ее в рабочей сумочке, которую забыла прихватить. С собой взяла лишь кошелек и рюкзачок, который повесила на плечо. Хотела прихватить сумку, когда уходила из дома, и... Забыла!

Тут я окончательно ломаюсь.

Опускаюсь на офисный стул, закрываю лицо ладонями и начинаю рыдать — сначала тихо, потом все громче. Слезы льются ручьем, размазывая остатки туши, а из горла вырываются какие-то жалобные звуки, которые я даже контролировать не могу.

И как я дальше? Куда я дальше? Почему я такая безголовая?

Ну серьезно, как можно быть настолько рассеянной? Особенно в моей критической ситуации. Даже маме теперь не позвонишь, не пожалуешься. Хотя что ей скажешь? «Привет, мам, я бросила мужа, потому что он хочет, чтобы я сделала аборт»? Она же в обморок упадет! Между прочим, в прошлом году пережила инфаркт. Да и чем она мне поможет за сто километров...

Нет, я серьезно полная кретинка. Законченная! Та, которая умудрилась остаться на улице без денег, без связи, беременная, с разбитой жизнью.

Бездумно открываю ящичек в столе и нахожу наполовину съеденную шоколадку. Ту самую, которую не доела вчера, да так и оставила на работе.

Жую ее, запивая почти выпитой водой из бутылки, что стоит тут же на столе, и тихо рыдаю, проклиная свою судьбу.

Шоколад горчит, вода теплая и невкусная, но желудок хоть немного успокаивается.

Рыдаю ровно до момента, пока в коридоре не раздаются четкие, уверенные шаги. Мужские — по звуку сразу понятно.

Замираю, притихаю, но сердце стучит так громко, что, кажется, его слышно на весь офис.

— До свидания, Алмаз Акопович, вас ждал, двери закрою, — доносится почтительный голос сторожа.

— Почему дверь в опенспейс открыта? — Низкий бархатный голос с едва заметным акцентом.

Черт! Ну я вообще без мозгов, дверь не закрыла! Сама себя подставила...

— Дык... Сотрудница одна на работе... — мямлит сторож, и я мысленно посылаю ему все проклятия мира.

Сдал! По полной программе сдал! Чтоб ему пусто было!

— Какая такая сотрудница? Девять вечера. — В голосе начальника слышится недоумение. — Пойдите и скажите ей, чтобы шла домой, нечего в офисе полуночничать.

— Дык... Не могу, рыдает... Я, знаете ли, с рыдающими бабами не очень умею... С девушками, то есть.

А дальше снова слышу шаги — уже в мою сторону. Четкие, твердые, неумолимые.

Господи, только не это...

Мне хочется сжаться в маленький комочек и заползти под стол. Или лучше провалиться сквозь пол... куда-нибудь. Впрочем, мы находимся на первом этаже, поэтому особенно проваливаться некуда.

Поэтому встречаю босса как есть: на своем рабочем месте. Пока он топает сюда, судорожно пытаюсь стереть со щек слезы и растекшуюся тушь. Судорожно вздыхаю, чтобы успеть хоть как-то успокоиться.

Усаживаюсь прямо, руки складываю на коленях, как примерная школьница перед директором.

Вскоре в дверном проеме появляется Алмаз Акопович собственной персоной.

Идет широким, уверенным шагом, словно весь мир принадлежит ему — что, в принципе, недалеко от истины, по крайней мере в пределах этого офиса.

Высокий, широкоплечий, внешность у него под стать имени и фамилии — густые черные волосы с едва заметной проседью на висках, темные глаза.

Как обычно, одет с иголки: идеально сидящий темно-синий костюм, белоснежная рубашка, галстук повязан так ровно, словно его только что достали из коробки. Такое ощущение, что шеф недавно заскочил домой, принял душ, надел свежие вещи — а ведь уже девять вечера! Как у него получается всегда так аккуратно выглядеть?

В воздухе витает легкий аромат его дорогого одеколона — что-то древесное с нотками бергамота.

Он останавливается в паре метров от моего стола, окидывает меня внимательным взглядом — от макушки до пят, не пропуская ни единой детали.

Чувствую, как краска заливает мне щеки. Представляю, как сейчас выгляжу: растрепанные волосы, заплаканное лицо, мятая одежда, рядом этот злосчастный чемодан...

Осмотрев меня как следует, он приподнимает кустистую черную бровь и спрашивает низким бархатным голосом:

— Антонина, что вы здесь делаете в такой час?

О-о-о... Он знает, как меня зовут? Совершенно неожиданно!

Алмаз Акопович не то чтобы частый гость в кабинете менеджеров по продажам — предпочитает решать все вопросы через главу отдела. А особенно учитывая, что нас тут работает целых двадцать человек, предположить, что он знает всех поименно — чистая утопия. Максимум — визуально различает обезьянок, которые принимают звонки от клиентов и стучат по клавиатуре. А тут — Антонина... Еще бы добавил отчество. Меня полным именем даже заведомо не называет, все просто зовут Тоней.

Впрочем, он же шеф — привык обращаться по-деловому, официально.

— Я... Э-э... — начинаю и тут же снова протяжно всхлипываю.

Ну не смогла сдержаться, что поделать. Горло снова сжимается, и новая волна слез подступает к глазам.

Вторая бровь Алмаза Акоповича медленно ползет вверх, присоединяясь к первой. Теперь он смотрит на меня с выражением крайнего недоумения.

— Это не очень информативное объяснение, — подмечает он с легкой издевкой в голосе, скрещивает руки на груди.

В голове в тихой панике бегут мысли — что бы такого ему наплести, чтобы и в офисе остаться, и одновременно отстал со своими вопросами. Может, сказать, что заболела? Или что проблемы с квартирой? Затопили соседи сверху? Нет, глупо — зачем тогда чемодан?

Но слезы снова катятся из глаз крупными каплями. Не могу ни придумать ничего вразумительного, ни объяснить толком ситуацию. Все сложности этого кошмарного дня прибавляют меня к плинтусу, а неожиданная встреча с шефом добивает окончательно.

Алмаз Акопович стоит и смотрит на меня с видом человека, который столкнулся с совершенно непонятным явлением.

— Так, все, я понял, — говорит он наконец, словно принял какое-то важное решение. — Идите в дамскую комнату, умойтесь холодной водой, приведите себя в порядок. А потом я вызову вам такси, и поедете домой, к семье. Задача ясна?

И тут меня прорывает.

— Нет у меня больше дома! — стону истерически. — И семьи больше нет! Свекровь сказала — или иди на аборт, или вон иди... А муж — муж ее поддержал! Вот я и пошла! Можно я тут останусь сегодня? Хотя как-то до утра по кусочкам себя соберу, а там уж...

Слова вылетают сами собой, без всякого контроля. Я понимаю, что выдаю боссу такие подробности личной жизни, которые он точно знать не хотел, но я сейчас неостановима.

— Та-а-ак... — протяжно тянет босс и тяжело вздыхает, словно на его плечи только что свалилась еще одна деловая проблема, требующая немедленного решения.

Он оглядывается по сторонам, берет стул от соседнего рабочего места. Придвигает поближе и медленно садится, не сводя с меня внимательного взгляда.

Снова шумно и тяжело вздыхает — такой мужской, основательный вздох — и спрашивает уже более мягким тоном:

— А подруге почему не позвонишь? Наверняка есть подруга.

В расстроенных чувствах я даже не замечаю, что он вдруг перешел на «ты» — слишком поглощена собственными переживаниями.

— Она сначала трубку не брала, а потом телефон се-е-ел... — отвечаю я жалобно. — Зарядку дома забыла, в сумке, которую не взяла...

Боже, что за чушь я несу? По-моему, разучилась внятно изъясняться.

— Так... — снова произносит он с важным видом, словно это магическое слово помогает ему держать под контролем любую ситуацию.

Я смотрю на него сквозь слезы.

— Мне правда некуда идти, на карте денег почти нет... — продолжаю тихо, утирая нос тыльной стороной ладони. — Можно я как-то тут переночую? Я никому не скажу, никого не побеспокою...

— Естественно, нет, — отвечает он, еще выше задрав подбородок. — Категорическое нет. Это офис, не нужно превращать его в ночлежку.

Сердце падает куда-то в пятки. Ну конечно, чего я ждала?

— Ладно... — Сглатываю ком в горле, который, кажется, стал размером с теннисный мячик.

Медленно поднимаюсь на негнувшихся ногах, хватаюсь за ручку своего злосчастного чемодана.

Алмаз Акопович тоже поднимается — легко, одним плавным движением. Отставляет стул на место, оправляет пиджак. Но когда я пытаюсь потащить чемодан к выходу, он вдруг перехватывает ручку и уверенно забирает его у меня из рук, будто это его собственность.

— Вы что делаете? — Смотрю на него совершенно круглыми глазами.

— Поедем ко мне домой, — отвечает он спокойно и безапелляционно, словно сообщает о том, что завтра будет дождь.

— Как это — домой? — Я аж перестаю плакать от неожиданности. — Зачем?

— Антонина, — говорит он, снова переходя на деловой тон, словно объясняет условия важного контракта, — я не предлагаю вам переехать ко мне насовсем. Но у меня есть гостевая комната, где вы можете спокойно провести ночь. Выспитесь, придете в себя.

— Что вы, я не могу... — лепечу тихонько, мотая головой.

Потому что переночевать в доме босса — это же надо иметь какую-то невероятную смелость! Или наглость. А у меня ни того, ни другого.

— Конечно можете, — кивает он с видом человека, который не привык получать отказы. — Поужинаете нормально, успокоитесь, примете душ. А потом обстоятельно мне все объясните, потому что пока я ничего толком не понял.

Хорошо бы я сама еще что-то понимала в этой истории...

Глава 6. В его квартире

Тоня

Я думала, мы по дороге хоть немного поговорим, как-то разрядим обстановку, но нет.

Алмаз Акопович хмурился весь недолгий путь. Лишь время от времени бросал на меня быстрые взгляды, при этом я каждый раз чувствовала себя как школьница, которую застукали за списыванием.

И теперь, когда мы поднимаемся на лифте на его этаж — а это, между прочим, целый двадцать второй! — он так же продолжает окидывать меня абсолютно нечитаемыми взглядами.

Лифт беззвучно останавливается, двери бесшумно раздвигаются. Даже подъездная площадка тут выглядит, как холл пятизвездочного отеля — мраморный пол, приглушенное освещение.

Уже когда входим в его квартиру — точнее, он галантно пропускает меня вперед и заходит следом с моим потрепанным чемоданом в руке, я все-таки догадываюсь спросить дрожащим от волнения голосом:

— А ваша жена не будет против, что вы меня пригласили?

— Я вдовец, — коротко объявляет он, ставя чемодан у входа и снимая пиджак.

Ну точно! Слухи не врут!

Про Алмаза Акоповича в офисе говорят разное, и девчонки из бухгалтерии особенно любят смаковать подробности его личной жизни во время обеденных перерывов. Насколько мне известно, ему всего тридцать пять, но он уже успел похоронить то ли две жены, то ли три. По некоторым версиям даже четыре. Говорят, все умерли при загадочных обстоятельствах — то ли несчастные случаи, то ли болезни.

Кроме Бабайки, у него есть еще одно негласное прозвище: Синяя борода.

Глупость, конечно, слухи досужие. Сплетни ядовитых тетушек, которым больше заняться нечем.

И все же я неожиданно даже для самой себя громко икаю от страха. Нервы, наверное.

— Все в порядке? — спрашивает он участливым голосом.

Поворачивается и внимательно разглядывает мое, должно быть, перепуганное лицо.

— Да, да, конечно, — отвечаю чересчур поспешно. — Просто неловко, у вас такая квартира...

— Какая «такая»? — Он приподнимает бровь, и в его темных глазах мелькает что-то вроде любопытства.

А я даже не знаю, как описать это дорого-богато так, чтобы при этом не выглядеть нищенкой, которая такой красоты отродясь не видела, тем более не жила в таких условиях.

Тут есть на что посмотреть... Потолки высоченные, огромные панорамные окна от пола до потолка открывают вид на вечерний город — огоньки мерцают внизу, как россыпь драгоценных камней. Мебель явно дизайнерская. На полу ковры, которые, подозреваю, стоят больше, чем я зарабатываю за год.

В воздухе витает едва уловимый аромат парфюмерии, кожи и чего-то еще — может, полироли для мебели? Или это запах денег?

— Красивая квартира. — Это все, на что я сподобилась, чувствуя себя полной дурой.

— Проходи, располагайся. — Он снимает галстук одним ловким движением, и я невольно сглатываю. — Думаю, проще все-таки перейти на «ты», не против?

В его голосе звучит что-то почти интимное, отчего у меня горят щеки.

— О, конечно, — снова чересчур поспешно киваю я.

Он усмехается — уголок губ чуть приподнимается, и от этой полуулыбки у меня в животе что-то екает.

Шеф идет в направлении кухни, которая совмещена с гостиной, попутно закатывает рукава белоснежной рубашки. У него красивые руки — сильные, с длинными пальцами, на безымянном пальце левой руки поблескивает массивное золотое кольцо с каким-то гербом.

И он снова смотрит на меня с этой полуулыбкой.

Я его явно забавляю, понять бы только чем. Зареванные сотрудницы — это же так весело...

— Антонина, ванная там, — он кивает в сторону коридора, — умойся и приходи ужинать.

Его голос звучит спокойно, даже заботливо, но во взгляде читается что-то неуловимое. Знать бы только что?

Иду в ванную, осторожно приоткрываю дверь и... обалдеваю от ее размеров.

Это вам не ванная в хрущевке, где каждый сантиметр подо что-то приспособлен. Это, блин, целый спа-центр с огромным джакузи! Серьезно, тут заплывы устраивать можно. Мне бы на такое никаких кредитов не хватило. Это ж сколько он зарабатывает? Я, конечно, знаю примерное количество оборотов фирмы за год, но это же ведь до налогов, зарплат сотрудникам и прочих расходов...

Пол с подогревом, босиком стоять приятно. Зеркала огромные, с подсветкой, как в голливудских примерках.

Восхитившись антуражем, я подхожу к раковине, и черт меня дергает заглянуть в зеркало...

Господи, на меня смотрит какое-то пугало огородное! Тушь размазана по щекам черными потеками, глаза красные и опухшие от слез, нос тоже красный и распухший. Волосы встрепанные, губы бледные. В общем, вид такой разнесчастный, что неудивительно, что даже босс меня пожалел.

Включаю воду, нещадно смываю всю эту «красоту», растираю лицо ладонями до красноты. Вода приятно прохладная, и от нее немного легчает на душе.

Тяну руку в поисках полотенца, а там полочка с аккуратно сложенными стопкой кипенно-белыми пушистыми полотенцами, прямо как в дорогом отеле. Причем такое ощущение, что стопка выровнена по линейке. Беру одно — оно мягкое, словно облако, и пахнет каким-то кондиционером.

Какое тут все безупречное! И вообще квартира настолько чистая, будто ее тридцать раз на день вылизывает языком как минимум дюжина горничных. По-любому же Алмаз Акопович не сам убирается и полотенца стирает-гладит, так?

Я, конечно, люблю порядок, но тут он какой-то патологически ненормальный. Я бы даже сказала — маниакальный.

Немного привожу в порядок волосы — расчески, разумеется, не нахожу, поэтому просто приглаживаю их пальцами. Выгляжу все равно не ахти, но уже не как пугало.

Выхожу из ванной, стараясь не хлопать дверью, осторожно прохожу на кухню.

Усаживаюсь за самый краешек огромного обеденного стола. К этому времени Алмаз Акопович уже успевает достать из гигантского холодильника целую башню стеклянных контейнеров с едой. Двигается он уверенно, четко, словно привык к такому ритуалу.

— Антонина...

— Можно просто Тоня, — тихо говорю я, внутренне съеживаясь.

— Хорошо, Тоня, — кивает он, открывая контейнеры один за другим. — Что ты предпочитаешь? У меня есть говядина, курица, свинина, баранина, кролик. Еще различные гарниры, салаты.

Э-э... серьезно, что ли? Целый ресторан!

— Мне все равно... Что проще, — отвечаю я, немного обалдев от оглашенного меню.

— Мне не составляет труда разогреть что угодно, — пожимает он плечами, будто это самая обычная вещь на свете — иметь дома запас еды на небольшую армию.

— Курицу, — отвечаю нейтрально, не желая показаться капризной.

Очень скоро передо мной оказывается тарелка с куриным филе в ароматном соусе терияки, идеально пропорциональной порцией риса и свежим зеленым салатом.

Сам же шеф предпочитает красное мясо — берет себе кусок говядины с кровью и какой-то сложный гарнир из овощей.

С невозмутимым видом садится рядом со мной — не напротив, а именно рядом. От его близости у меня перехватывает дыхание.

— Ешь, Тоня, — говорит он.

То есть расспросы решил отложить на потом? Ура! А то я так и не придумала, что стоит рассказать, а о чем лучше умолчать. Может, пока поем, что-нибудь и придумается.

Но я все же решаюсь попросить:

— А у вас зарядки не найдется?

К счастью, зарядка, подходящая для моего телефона, у шефа находится. Хоть он и одаривает мой потрепанный гаджет презрительным взглядом.

Молча встает, достает зарядку из какого-то ящика и вставляет в розетку возле стола.

Едим мы молча. Я стараюсь жевать как можно тише, боясь нарушить эту странную атмосферу. Еда оказывается невероятно вкусной. Или это я просто голодная?

Пока мы ужинаем, мой телефон так же жадно поглощает электричество и вскоре довольно булькает новым сообщением.

В надежде, что это наконец-то объявилась Машка, я тут же хватаюсь за телефон и проверяю.

А там не Машка. Там Дима с нехилой такой угрозой: «Если надеешься получить что-то при разделе имущества, то даже не рыпайся. В нашей стране супруги делят не только совместно нажитое, но и долги, а у меня нехилый такой кредит на машину. Еще и должна мне будешь».

На этом моя только-только успокоившаяся психика окончательно ломается.

Громко всхлипываю, зажимая рот рукой.

Глава 7. Спокойный как танк

Алмаз

Вроде бы все шло хорошо, мы сидели, мирно ужинали, почти как парочка. Она аккуратно орудовала вилкой, видно было, что напряжена, но держится. Мне даже нравилось наблюдать, как она осторожно пробует мясо, слегка щурится от удовольствия.

Честно сказать, давно в моей квартире не было женщины, с которой вот так мило ужинал бы.

Обычно все происходит по-другому: встретились где-то, пара фраз, постель, и чао-бамбино.

А тут... черт, даже уютно как-то. Она сидит рядом, от нее пахнет каким-то простым шампунем и легкими духами, ничего вызывающего. Приятно.

Но, на беду, Тоня заглядывает в телефон, и я вижу, как ее лицо меняется. Глаза в момент становятся будто стеклянными.

И снова-здорово...

Слезоизвержение, акт третий.

Она громко всхлипывает, зажимает рот рукой, но слезы уже катятся по щекам.

Любой другой на моем месте наверняка растерялся бы, начал суетиться, нести какую-нибудь успокоительную чушь. Но у меня достаточно сестер, родных и двоюродных, чтобы уметь обращаться с женщинами, когда они изволят устроить истерику.

Тут главное — оставаться спокойным как танк. Ни единой эмоции на лице, голос ровный, движения четкие. Тогда есть шанс, что сама уgomонится. Если же нет... Впрочем, пункт первый обычно срабатывает.

Поэтому делаю невозмутимое лицо, достаю из салфетницы белую салфетку, подаю ей. При этом легко хлопаю ее по плечу, чувствую, как под тонкой тканью блузки напрягаются мышцы.

— Ну-ну... — говорю ровно, без всякого сюсюканья.

От моего, казалось бы, простого прикосновения она резко шарахается в сторону — так резко, что стул под ней скрипит.

Это неприятно полосует ногтем по моему эго.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, в которых читается что-то вроде... страха? Seriously? От обычного дружеского похлопывания по плечу?

Я ведь привлекательный мужчина, в самом-то деле, и ничего грубого ей не сделал.

— Тоня, что случилось? — спрашиваю я, убирая руку. — Толком объясни. Начни с самого сначала...

Всхлипывая, она протягивает мне свой телефон, и я читаю сообщение от ее мужа.

«Если надеешься получить что-то при разделе имущества, то даже не рыпайся. В нашей стране супруги делят не только совместно нажитое, но и долги, а у меня нехилый такой кредит на машину. Еще и должна мне будешь».

Ого, уже и до развода доругались.

Шустро.

И какая прелестная манера общения с беременной женой. Прямо образец галантности.

— Сначала, Тоня, — настаиваю я, возвращая ей телефон. — Хочу узнать всю историю целиком.

И она рассказывает...

При этом кривится — морщит нос, как ребенок от горького лекарства, — всхлипывает, вытирает щеки салфеткой, захлебывается словами, но выкладывает мне все до конца.

— ...После того как Дима поговорил с мамой, его как подменили. Тут же начал говорить про деньги, что, мол, я с ребенком много не заработаю. А на мне ведь кредиты... Я же думала, это нормально, что жена помогает семье, а оказалось, они мной пользовались!

У меня отвисает челюсть...

Не понимаю, как можно ожидать от беременной женщины оплаты каких-то там кредитов, тем более если деньги были потрачены на обустройство квартиры его матери. Бред какой-то. Это уже не жлобство, это какая-то патология.

Мне великолепно известно, что Тоня — жена моего завскладом, Дмитрия Рудковского. Вроде бы нормальный тип, хороший спец, грамотный, работающий. В глаза смотрит, руку пожимает крепко, всегда в срок сдает отчеты. Характеристика на него самая положительная.

Но вот чего я не знал о своем завскладом, так это то, что он слизняк и жлоб. Причем жлоб изощренный — не тупо деньги зажимает, а хитро все обставляет, чтобы у самого руки остались чистыми.

— А какие у нас кредиты? — спрашиваю вкрадчивым голосом, наклоняясь чуть ближе. — Мне цифры, пожалуйста.

Она называет суммы, которые, казалось бы, смешны. И мне великолепно известно, какие премии получает мой завскладом, плюс тринадцатая зарплата, — я лично подписи под документами ставлю. При этом совершенно непонятно, на кой хрен он при таких доходах вешал покупку вещей на плечи жены. Неужели сам не мог с этим разобраться?

А что, хитро, если вдуматься.

Женишься на тихой трудолюбивой девочке из провинции — такие обычно готовы на все ради семьи, — обвешиваешь ее кредитами, чтобы не рыпалась. И живешь себе припеваючи, машины покупаешь, с друзьями в баню ездишь. Практически лайфхак. А потом, когда надоест или появится кто-то получше, можешь еще при разводе ее же и обвинить во всех долгах.

— Ха... — все-таки вырывается у меня возмущенный взглас.

— Вот и я говорю — ужас. — Тоня по-своему понимает мое «ха», кивает энергично. — Суммы-то огромные! Главное, делать-то что теперь? Я с этими дурацкими кредитами еще нескоро расплачусь, как квартиру снимать? Как жить? А если к маме переезжать, то это надо увольняться. А где я в родном городе найду работу с таким окладом?

— А мама у нас где? — спрашиваю для полной ясности.

— Мама...

Она называет мне маленький городок, который находится от Краснодара километров за сто. Бывал там однажды по делам — ничем не примечательная серая дыра с облупленными пятиэтажками и единственным приличным кафе на центральной площади. Хотя природа там красивая — леса, речка.

Вот, значит, откуда ты приехала сюда такая красивая и наивная, Тоня...

— Вы извините, Алмаз Акопович, что все на вас так вылила, — говорит она, комкая салфетку в кулаке. — Вы, уж конечно, не ожидали... Да и не нужны вам мои проблемы. Тем более я не жду, что вы станете их решать. Но спасибо, что выслушали. Выговорилась, и как-то легче стало.

На «ты» она со мной так и не переходит, даже несмотря на всю откровенность. Интересно. Либо очень уж воспитанная, либо держит дистанцию инстинктивно.

— Сегодня ни о чем не думай, — даю ей наставление, поднимаюсь из-за стола. — Просто отдохни, сходи в душ, выпишись. А завтра утром, когда ты окончательно успокоишься, мы поговорим, хорошо?

Ожидаю, что она начнет пререкаться или снова плакать — женщины любят все усложнять. Но Тоня лишь послушно кивает, вытирает глаза.

На редкость разумная девочка, очень положительное качество. Нравится оно мне. С умными женщинами всегда проще — объяснил раз, и все понятно.

— Пойдем, я отведу тебя в гостевую, — предлагаю ей, беру ее чемодан.

— А посуда? — тут же начинает беспокоиться она, оглядывается на стол с тарелками.
— Давайте я помою...

— Для этого есть посудомойка, а ты лучше отдохни, — добавляю в голос чуток строгости.

Веду ее по коридору, свет автоматически включается при нашем приближении. Гостевая комната у меня приличная — не спальня хозяина, конечно, но тоже ничего. Большая кровать, встроенный шкаф, собственная ванная.

— Вот твоя комната. — Я ставлю чемодан у кровати. — Полотенца в ванной, если что-то нужно — зови. Я буду на кухне.

Она благодарно кивает, садится на край кровати.

Выхожу, прикрываю за собой дверь и возвращаюсь на кухню.

Убираю остатки еды в холодильник — контейнеры аккуратно составляю по размерам, каждому свое место. Загружаю посудомойку, выставлю программу. Машина тихо гудит, начиная цикл мойки.

А сам время от времени поглядываю в планшет.

На экране — изображение с камер видеонаблюдения по всей квартире. Обычное дело, у меня давно стоят. Мало ли что — воры, недобросовестная домработница, да и просто спокойнее, когда знаешь, что происходит в собственном доме.

Самое крупное изображение сейчас с гостевой спальни.

Слежу за тем, как Тоня тихонько роется в чемодане — наклонилась над ним, волосы упали на лицо. Достает какую-то одежду, встряхивает, складывает на кровать. Движения у нее аккуратные, неспешные. Даже в таком состоянии старается все делать по порядку. Еще один плюс ей за это.

В момент, когда она начинает переодеваться, я бросаю дела на кухне и внимательно смотрю на экран планшета.

Она стягивает с себя блузку, потом джинсы. Остается в черном кружевном белье — ничего вызывающего, но смотрится очень даже. Фигура у нее действительно хорошая — не модельная худоба, а именно женственные изгибы. Грудь аппетитная, талия тонкая, бедра в самый раз.

Наконец она решает снять лифчик, и в камеру на какие-то секунды видно ее правую грудь. Красивая, стоит колом, все как я люблю.

Потом Тоня быстро надевает какую-то безразмерную черную футболку — видимо, спит в ней — и ныряет в постель под одеяло. Укрывается с головой, сворачивается калачиком.

Хочется сделать абсолютно иррациональный жест — погладить ее через экран.

Испытываю ли я чувство вины за то, что подглядывал, пока она переодевается?

Естественно, нет.

Ведь нельзя же брать кота в мешке, я должен был убедиться, что с ней все ладно.

Мне ведь с ней в постель еще ложиться, а какой в этом кайф, если фигура девушки так себе?

Но там все ладно, и даже очень. Есть что предвкушать.

Выключаю планшет, убираю его в ящик. Завтра будет интересный разговор.

Глава 8. Никак не ожидала

Тоня

Я понятия не имею, как умудрилась уснуть в гостях у шефа.

Вот правда — незнакомый дом, незнакомая спальня, кровать. Но какая уютная! Матрас словно обнимает тело, простыни пахнут свежестью с легким оттенком кондиционера для белья. Подушка под головой — идеальной мягкости.

Прямо вылезать из постели не хочется. И не вылезала бы, но...

Телефон на прикроватной тумбе пиликает от входящего сообщения. А поскольку я вчера догадалась заблокировать своего мужа, писать мне может разве что...

Машка!

Вижу от нее сообщение и аж слабею от облегчения. Наконец-то.

Однако когда читаю, что написала, снова хочется впасть в истерику. Буквы расплываются перед глазами, и я несколько раз перечитываю одно и то же: «Тоня, меня не будет две недели, я с Максом в Сочи, извини! Как только вернусь, позвоню. Надеюсь, у тебя все ок».

Две недели!

Нет, со мной определенно все не ок.

Где я буду спать эти две недели? Что есть? Как жить?

И что мне теперь делать? Ждать ее и временно пожить в каком-нибудь отеле или хостеле? Или решать вопрос радикально и снимать новое жилье?

Дрожащими пальцами лезу в приложение, где можно найти объявления по аренде. Просматриваю цены однокомнатных квартир в нашем районе. Цифры просто чудовищные — за год выросли ого-го. А еще коммуналка, еда, проезд...

Пытаюсь подсчитать, сколько мне нужно денег на первое время.

Потом ищу варианты жилья подешевле. Может, на окраине... Нет, там тоже неподъемно — если одной снимать, да еще и с моим финансовым анамнезом в виде кредитов. Посуточная аренда — вообще космос. За неделю проживания в скромной квартирке просят весьма и весьма прилично.

Может, щедрый банк и выдаст мне новый кредит, чтобы как-то продержаться первое время. Но это какая-то хреновая тактика — обрастать кредитами, как елка иголками. Мне бы со старыми разделаться.

Как же я так вляпалась?

Как умудрилась превратить свою жизнь в такое? Еще вчера утром у меня был дом, муж, стабильность. А теперь... Теперь я сижу в чужой квартире и не знаю, где буду спать завтра.

В этот самый момент в дверь раздается стук. Два коротких удара — деловито, без суеты.

Блин, даже пожалеть себя как следует времени нет.

Пора покидать мое временное и такое уютное пристанище.

Сейчас Алмаз Акопович наверняка попросит меня на выход с вещичками. У него ведь и своих дел навалом, еще меня в доме терпеть. Чего это я решила, что могу тут разлеживаться все утро?

— Тоня, я жду тебя на кухне, умойся и приходи завтракать, — доносится его голос через дверь.

Тон спокойный, даже мягкий. Никаких ноток раздражения или спешки.

Вот так да... Меня еще и завтраком накормят.

Желудок тут же урчит, как потерпевший — громко, протяжно, требовательно. Его же вчера так и не накормили как следует. Под откровения о собственной жизни курятина как-то не очень шла, я весь ужин ковырялась вилкой в тарелке.

Спешу в гостевую ванную.

В небольшой, но продуманной до мелочей комнате оказывается все, что нужно.

Быстренько принимаю душ, наслаждаясь тем, как горячая вода смывает остатки вчерашнего кошмара. Гель для душа пахнет морской свежестью — приятно, изысканно.

Решаю сразу одеться для выхода — в офисную блузку бежевого цвета, черную юбку-карандаш. Все-таки рабочий день никто не отменял, а работу мне сейчас никак нельзя терять.

Причесываюсь перед зеркалом, пытаюсь придать волосам хотя бы подобие укладки, чуть прохожусь тушью по ресницам, слегка пудрюсь. Отчего-то хочется предстать перед шефом не вчерашней замухрышкой с опухшими от слез глазами, а хоть немного красивой.

Иду по коридору на кухню, и меня встречает потрясающий аромат свежесваренного кофе. Запах такой насыщенный, обволакивающий. Смешивается с чем-то еще... Ванилью? Сливочным маслом?

На кухне Алмаз Акопович стоит у окна с чашкой в руках, смотрит на город. Одет в идеально отглаженную белую рубашку и темные брюки — даже дома выглядит, как с обложки делового журнала. Волосы аккуратно зачесаны назад, видимо с помощью геля.

— Садись, — кивает он на стул, не оборачиваясь.

На столе для меня уже сервирован завтрак. Тарелка с румяными сырниками, политыми красным джемом, который по виду похож на клубничный. Рядом — чашка с дымящимся кофе, сливки в изящном молочнике, сахар в хрустальной сахарнице.

Все красиво, дорого, с душой.

Сажусь за стол, беру вилку.

Алмаз Акопович оборачивается, смотрит на меня нечитаемым взглядом, садится рядом.

Под взглядом шефа есть тяжеловато, хотя сырники нежнейшие, тают во рту, джем с кислинкой — точно клубничный. Мне бы насладиться завтраком, но желудок сжат от нервов, каждый кусочек глотаю с трудом. Умудряюсь запихнуть в себя примерно половину порции.

— А вы разве не будете завтракать? — спрашиваю, чтобы хоть как-то разрядить напряженную атмосферу.

— Тоня, я встаю в шесть утра. Уже успел сходить на пробежку, принять душ, позавтракать и заказать еду для тебя, — отвечает он снисходительно.

Вот это он жаворонок.

Внутренне ежусь от его взгляда, он такой внимательный, даже изучающий. Словно шеф сканирует меня, отмечает каждую деталь.

— Специально для меня заказывали? — Мой голос звучит удивленно. — Не стоило так утруждаться...

Он лишь отмахивается:

— Тебе вряд ли подошел бы мой протеиновый коктейль, так что... В общем, неважно. Я хотел обсудить с тобой вчерашнее.

В животе все переворачивается. Ну вот, началось.

— Что именно обсудить? — выдавливаю из себя.

— Скажи мне, что ты планируешь делать с мужем? Разводиться?

Вопрос прямой, конкретный.

В тон ему и отвечаю:

— Д-да...

Шеф шурит взгляд, спрашивает чуть строже:

— Это окончательное твое решение? Ты не передумашь через день или, скажем, неделю? Твердо определилась?

В памяти тут же всплывает жуткий вчерашний день.

Бессовестные выпады мужа по поводу меня и, как оказалось, совсем не желанной беременности. Его злобное лицо, когда он выговаривал мне про деньги. Ужасная сцена с его мама-

шей, которая требовала аборта. После такого что бы он ни сделал дальше, продолжение совместной жизни просто невозможно.

— Твердо, — говорю увереннее. — Буду разводиться.

Алмазу Акоповичу отчего-то очень нравится мой ответ.

— Отлично, на это я и надеялся. Я внимательно обдумал твоё положение и ситуацию в целом. И хочу сообщить тебе о своём решении.

У меня мороз по коже. Какое ещё решение? И почему он говорит таким тоном, словно ведёт деловые переговоры?

— Каком же? — спрашиваю с опаской.

Алмаз Акопович с удовольствием объясняет:

— Я легко решу твои проблемы. Закрою твои кредиты, а потом найму хорошего адвоката, который быстро стрясет с твоего бывшего нужную сумму. Разумеется, избавлю тебя от всех хлопот с разводом, это также возьму на себя. Жить останешься здесь. Я позабочусь обо всех материальных аспектах.

По мере того как он говорит, моё лицо вытягивается всё больше и больше. С чего это вдруг он решил мне помогать? За какие такие заслуги? Я не настолько ценный сотрудник, хотя и перевыполнила план в прошлом месяце.

— Зачем бы вам было это делать? — Не могу скрыть подозрительности в голосе.

И, как выяснилось, не напрасно.

Шеф выпрямляется в кресле, смотрит на меня как-то странно. Покровительственно, что ли?

— Конечно же, у меня будет своё условие, — говорит он.

Ага. Вот оно. Так и знала! Что ему от меня нужно? Моя почка? Половина печени?

Я будто уменьшаюсь в размере, тихо спрашиваю:

— Какое же?

И тут он меня огорошивает:

— Ты выйдешь за меня замуж.

Я замираю с чашкой кофе в руках. Кажется, ослышалась.

— Э-э... Что? — тупо переспрашиваю. — Вы хотите заключить со мной фиктивный брак? Но боже мой, зачем же вам это нужно?

Даже примерно не могу представить себе никаких причин. Наверное, фантазия у меня недостаточно развита.

— Кто говорит о фиктивном браке, Тоня? — вдруг изумляется он. — Брак будет самый настоящий.

Настоящий брак. С Алмазом Акоповичем. У меня!

П-ф-ф, щас... Насмешили.

На кой я ему сдалась вся такая обвешенная кредитами, да ещё и с чужим ребенком под сердцем. Он сумасшедший, что ли?

С его-то внешними данными и финансовыми возможностями он может любую...

В голове полнейшее недоумение.

Мысли мечутся, как перепуганные мыши.

Серьезно, зачем я сдалась шефу со своими проблемами?

К тому же я никакая не топ-модель. Совершенно средней внешности девушка: и рост у меня средний, и ноги не от ушей, а из попы растут, и никакого пятого размера груди и что там им, богатым, ещё от женщин надо.

Ладно, и в таких как я, бывает, влюбляются.

Но он ведь и не замечал меня никогда! Здоровался через раз и то — легким кивком, не более. А чаще, если сталкивались в коридоре офиса, просто мимо проходил. Так, мазнет взглядом, как будто я часть интерьера, и дальше идет по своим делам.

Словом, ни о каких чувствах с его стороны речи не идет. Да и сейчас он выглядит не как влюбленный, делающий предложение, а как делец, который собирается заключить сделку. Причем не очень-то выгодную для себя, если смотреть фактам в лицо.

— Зачем бы вам понадобилось брать меня в жены? — с трудом выговариваю. — Я же беременна...

— Это не проблема, — снова отмахивается он.

Такое чувство, будто Алмаз Акопович и этот момент тщательно продумал, взвесил, как и все в своей жизни.

— Дети — радость, — тем временем продолжает он, — и я приму участие во всем, что касается ребенка. Устрою тебя в хорошую клинику, твою беременность будут вести лучшие врачи, обеспечу частный роддом и содержание. Тебе ведь это все нужно, так? Где и на что растить ребенка. В качестве моей жены ты будешь всем обеспечена. Мы станем растить малыша вместе.

Шок продолжается. И тот же вопрос крутится в голове — зачем ему все это нужно? Что за игра? И почему говорит так, словно уже все решил? А мое согласие — для галочки.

— Но вы ведь даже не замечали меня никогда на работе, — выпаливаю. — Зачем бы вам растить со мной ребенка...

— Тоня, с чего ты взяла, что я тебя не замечал?

Мне ничего не остается, как только развести руками:

— Ну... Вы всем видом показывали.

Алмаз Акопович резко делается серьезным.

— Ты была замужем, у меня по этому поводу четкие принципы. Но теперь, когда ситуация изменилась, не вижу никаких преград для своего предложения.

Ох. А вот это интересно. Получается, замечал?

— Вы серьезно, что ли?

— Серьезней некуда. — кивает он. — Понимаю, предложение кажется тебе очень неожиданным. Но мы оба в выигрыше. Ты избавляешься от мужа, финансовых проблем, взамен приобретаешь дом и надежный тыл в моем лице. А я получаю... Тебя и ребенка. При желании можно все устроить за пару недель — развод, свадьбу. Все, что от тебя требуется, — простое согласие. И да, чтобы больше не возникало разговоров о фиктивности брака, подчеркну, что я натура достаточно страстная. Драть буду регулярно.

Это слово «драть» такое просторечное и жаргонное, оно абсолютно ему не свойственно. Но именно в эту секунду...

На миг, всего-то короткий миг, с лица шефа слетает деловое выражение. Во взгляде обнажается нечто дикое, животное. Голодное. Однако это выражение исчезает так же быстро, как и появляется. Словно я это вообразила.

Может, мне вообще послышалось?

— Э-э... Что вы хотите со мной делать? — глупо переспрашиваю.

Он осекается, словно понимает, что перегнул палку. Поправляется:

— Не придирайся к словам, Тоня. Я лишь хотел подчеркнуть, что... Что супружеский долг в браке вещь обязательная.

Драть он меня, значит, хочет... То есть супружеский долг требовать.

— Ты согласна? — спрашивает Алмаз Акопович, внимательно на меня смотря.

При этом будто совсем не сомневается в том, что я сейчас как подскочу, как запишу от радости, и сразу трусы нафиг. Берите меня как есть, можно прямо на кухонном столе.

Так же и делают обычно девушки вроде меня, да?

Тихие, домашние, семейные...

— Нет. — Этот ответ вырывается из меня четко и ясно.

Теперь уже у шефа вытягивается лицо.

Он секунду молчит, потом спрашивает:

— Я обидел тебя желанием с тобой спать?

Ох, если бы только этим.

Я не против секса, нет, не какая-нибудь там ханжа. Тем более если в браке.

Однако предложение в целом кажется слишком нереальным, поспешным и вообще... странным. Что ему, драть некого, в самом деле? Или какой-то пунктик на беременных? Даже выяснять не хочу.

И совершенно не желаю становиться его бесправным приложением. А именно этого он, скорее всего, от меня ждет — ведь за все платит. А кто за девочку платит, тот ее и...

Не хочу такого!

Я уже пожила бесправной в чужом доме, хватит. Тем более непонятно, какие тараканы-мутанты живут у шефа в голове, раз он такое предлагает. А вроде казалось — нормальный, деловой мужик.

— Извините, Алмаз Акопович, но я вынуждена отказаться, — говорю, стараясь звучать твердо. — Мы с вами друг друга толком не знаем, и я не согласна вот так, с головой в омут. Я пойду, пожалуй...

С этими словами отодвигаю от себя тарелку с недоеденными сырниками.

Тут мне от шефа прилетает резонный вопрос:

— А куда ты пойдешь? Еще вчера у тебя не было денег даже на гостиницу.

Удар ниже пояса. Но правдивый.

— У меня есть подруга, я у нее...

Шеф приподнимает бровь.

— Отчего же вчера не поехала к подруге, раз так?

Признаюсь со вздохом:

— Она сейчас в отъезде, только поэтому...

А он цепляется за мои слова:

— Через сколько вернется твоя подруга?

Сама не знаю зачем, но выдаю ему правду:

— Через две недели, но это неважно, я как-нибудь...

— Ясно, — отвечает он.

И все.

И никаких тебе уговоров остаться, подумать еще или чего-то подобного. Он просто принял мое «нет» и моментально успокоился. Даже легкого сожаления на лице не промелькнуло.

Шизик!

— Ну, я пойду? — тихонечко спрашиваю. — Сейчас вещи из спальни заберу, и...

— Насильно я тебя точно держать не буду, — пожимает он плечами. — Но по крайней мере вещи пока оставь.

— Зачем? — округляю глаза. — Я же сказала, я...

— Но ты ведь еще не нашла новое жилье, так? — подмечает он. — Когда найдешь, я пришлю тебе вещи. А пока что нет никакой необходимости тащить чемодан в офис.

Логично. Хотя от его заботливости почему-то становится не по себе. Однако теперь мне не придется позориться с этим самым чемоданом, что-то кому-то объяснять. А ведь налетят с вопросами.

— Ладно...

— Заканчивай завтракать, — кивает Алмаз Акопович, — собирайся, я отвезу тебя на работу. Выезд через пятнадцать минут, не опаздывай.

С этими словами он уходит из кухни, оставив меня наедине с остывшими сырниками. Шаги его удаляются по коридору — уверенные, размеренные.

Вот вроде бы и позаботился, чего совсем не должен был делать. Даже завтраком накормил. Достойно принял отказ. Но от его незримого присутствия в квартире все равно мороз по коже пробегает.

Даже теоретически не представляю, как за такого человека можно решиться выйти замуж. Слишком уж он... непредсказуемый.

Глава 9. Встреча с мужем

Тоня

Все как назло...

Когда Алмаз Акопович подвозил меня до работы, при этом первый вышел из машины и галантно подал мне руку, чтобы помочь выбраться, мимо проходила наш бухгалтер, Людка. И разумеется, она заметила все это.

Помню, как у нее округлились глаза за стеклами очков, как она замерла на секунду с приоткрытым ртом, а потом поспешила к входу в офис, семеня на каблуках. Даже не обернулась, чтобы помахать мне, как обычно. Сразу стало понятно — новость разлетится по офису быстрее, чем я успею добраться до своего стола.

И вот ближе к одиннадцати я понимаю, что коллеги на меня косятся.

Все как один то и дело подходят к моему столу, что-то просят, заговаривают.

Конечно же, прямо не спрашивают, но кажется, что все в курсе! Слухи у нас разносятся мгновенно.

Чувствую на себе взгляды, слышу приглушенный шепоток за спиной.

Плюсом к этому расстройству я получаю сообщение на корпоративную почту с требованием немедленно явиться к завскладом. Что-то у него не сходится по заявкам, которые я отправила утром.

Не сходится у него там...

Знаю я, что у него там не сходится!

Строго отвечаю: «У меня все четко, проверяйте ваши записи, Дмитрий Олегович».

Пальцы стучат по клавиатуре резко, нервно. Ведь мне кристально понятно, что от меня нужно мужу. Вариантов, в общем-то, немного. Либо станет снова уговаривать сделать аборт, либо опять страдать разделом имущества.

Ни того, ни другого мне не надо и близко.

Мне бы для начала с первостепенными задачами разобраться. Жилье найти, адвоката, получить квалифицированную консультацию, где мне четко разъяснили бы, как действовать дальше.

Но заняться этим мне некогда, потому что рабочие задачи сыплются как из рога изобилия. На столе стопки документов, которые нужно обработать, в почте накопилось больше двадцати непрочитанных писем, а телефон не умолкает.

Однако поработать спокойно мне и то не дают...

Очень скоро дверь в наш опенспейс распаивается настежь, и я вижу в проеме Диму собственной персоной.

Он просто ворвался сюда, как хозяин жизни. На лице написана решимость, брови сдвинуты, губы поджаты.

Хоть для вида притворился бы, что ему нужно ко мне по делу. Но нет!

Прет как танк, никого вокруг не замечает. Коллеги отворачиваются, делая вид, что заняты своими делами, но уши, конечно, на макушке. Слышу, как смолкают разговоры, перестают клацать клавиши ноутбуков. Тишина становится почти осязаемой.

— Вы что-то хотели, Дмитрий Олегович? — спрашиваю я с гаденькой улыбочкой, не отрывая глаз от монитора.

Пусть знает, что я не собираюсь играть в его игры. На работе он для меня завскладом, и точка.

— Ты издеваешься надо мной? — Он наклоняется к моему столу, упираясь руками в столешницу. — Пойдем в мой кабинет. Немедленно!

Вижу, как напряглись мышцы на его шее, как дергаются желваки. Злой. Очень злой.

— Даже не подумаю, — отвечаю, наконец поднимая на него взгляд. — И сбавьте тон. Иначе обвиню вас в домогательствах.

В офисе стало еще тише. Все делают вид, что работают, но я так и чувствую на себе любопытные взгляды.

— Какие домогательства? — шипит он тихим злым шепотом, наклоняясь еще ближе. — Ты моя жена!

— Очень скоро буду бывшей, — отвечаю тоже тихо, — как вы с мамой и хотели...

Его лицо искажается гримасой. На секунду мне даже становится его жалко. Но только на секунду.

— Выйди со мной в коридор, — требует он.

И подхватывает меня под руку, не давая ни шанса усидеть на месте.

Иду, что поделать, ведь мне совсем не хочется устраивать сцену посередине офиса.

Как только мы оказываемся за дверями кабинета, он тут же выпаливает, забыв про всякую конспирацию:

— Ты правда провела ночь с генеральным? Быстро мне говори!

Вот оно что. Значит, слухи уже дошли и до него.

Решаю соврать, чтобы не появилось еще больше сплетен — ведь мне еще тут работать.

— Он просто увидел меня на улице и подвез, ничего такого... — пожимаю плечами, стараясь выглядеть равнодушно. — И вообще, это не твое дело.

А Дима резко веселеет. Как будто это именно то, чего он ожидал и так жаждал услышать. Даже в глазах появляются искорки.

Муж расправляет плечи, улыбается своей самой обаятельной улыбкой:

— Я, собственно, так и думал. Хорошо, приглашаю тебя пообедать и спокойно поговорить. Пойдем в «Ампир».

«Ампир»...

Шикарный ресторан в трех кварталах отсюда, с белоснежными скатертями, хрустальными люстрами и ценами, от которых у обычного офисного планктона слезы на глазах. Раньше, когда только начинал ухаживать, Дима водил меня туда пару раз. Но после свадьбы ни разу не сходили. Вечно были какие-то дела поважнее или деньги нужно было на что-то другое потратить. Минус ему в карму за лицемерие.

— Ты правда думаешь, я пойду с тобой обедать после того, как ты пригрозил повесить на меня кредит за свою машину?! — не выдерживаю я. — Иди ты знаешь куда со своим предложением.

— Тонь, ты что? — Он округляет глаза, изображая полное недоумение. — Я ничего подобного тебе не говорил.

Вот лжец! Еще и актер никудышный.

— Зато писал! — Хорошо, что я на автомате прихватила с собой телефон, тычу ему экраном в лицо. — Вот посмотри, если память отшибло.

На дисплее светится то самое сообщение про раздел имущества.

— Тонь, я тебе такого не писал, я что дурак, что ли? — Он достает свой телефон, лихо-радочно листает. — Вот, смотри...

Он открывает наш с ним чат, а там и вправду нет последнего сообщения про раздел имущества. История переписки обрывается на его «Тоня, ты мне нужна...», а дальше пусто.

— Значит стер! — не сдаюсь я.

— Не писал... — Он качает головой, и в его голосе слышится что-то похожее на отчаяние. — Я думаю, это мама написала, Тонь! Я б такого никогда... Неужели ты обо мне такого мнения?

На секунду в его глазах мелькает что-то настоящее. Боль? Раскаяние? Стыд?

— Пожалуйста, пойдем пообедаем со мной и обо всем поговорим. — Он протягивает руку, почти касается моего плеча. — Очень тебя прошу!

А ведь и правда его мамочке вполне по силам залезть в телефон сына и написать мне такое сообщение. Она же постоянно у него ключи берет, планшетом пользуется. Ей внуки не нужны. Ей деньги нужны. Мои... Те самые, которых у меня нет.

Глава 10. Ресторан «Ампир»

Тоня

С каким важным видом Дима заводит меня в зал ресторана, это надо видеть. Будто повторил подвиг Геракла, не меньше.

Он расправляет плечи, придерживает мне дверь, кивает хостес с видом хозяина жизни.

— Столик на двоих, забронированный на фамилию Рудковского, — важно сообщает он девушке в строгом костюме.

— Конечно, проходите, пожалуйста. — Она ведет нас через практически пустой зал.

«Ампир» — не то место, где любой желающий может позволить себе обед.

Дима идет рядом и шепчет мне на ухо с гордостью в голосе:

— Представляешь, еще в девять утра позвонил, чтобы забронировать. Хотел, чтобы все было идеально для нашего разговора.

Хмыкаю про себя. Как трогательно, в девять утра, значит. Наверняка сразу после того, как узнал про то, что меня довез до работы генеральный. Какое совпадение.

Нас усаживают за уютный столик у панорамного окна.

За стеклом шумит центральная улица, снуют машины, спешат прохожие. А здесь тихо, вкусно пахнет какими-то изысканными специями. Хрустальная люстра над головой переливается тысячей бликов.

— Заказывай все, что хочешь, не стесняйся, — великодушно разрешает Дима, раскрывая меню в кожаном переплете.

— С чего такая щедрость? — не могу удержаться от колкости.

— Могу же я побаловать свою жену... — Он смотрит на меня с обаятельной улыбкой.

Ага, конечно. На краю развода решил побаловать. Лучше бы он вчера побаловал меня тем, что поставил бы свою маму на место.

Собственно, я не есть сюда пришла. Совсем.

Цели у меня гораздо значительнее.

Но назло бывшему супругу беру и заказываю драники с семгой. Не пробовала их тут никогда, но наверняка ведь вкусные?

— И большой латте, пожалуйста, — прошу официанта, молодого парня в безупречно белой рубашке.

Дима тоже не стесняется:

— Мне, пожалуйста, говяжьи медальоны с овощами, салат цезарь и, пожалуй, крафтовый лимонад.

Однако, мой благоверный решил гульнуть. Внезапно мои драники уже не кажутся таким уж мотовством.

Пока официант несет заказ, я чувствую, как нарастает напряжение.

Дима барабанит пальцами по столу, я кручу в руках салфетку.

Тихо играет классическая музыка, которая совсем не помогает расслабиться.

— Дима, я... — решаюсь на разговор.

— Ты не представляешь, как я волновался всю ночь, — перебивает он. — Как подумал, что ты вправду подашь на развод, так сердце знаешь как в груди екнуло? Тоня, ты мне очень нужна! Ты даже не представляешь как, без тебя мне край... Я ж люблю тебя, глупая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.